

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ

Вестник ПСТГУ
IV: Педагогика. Психология
2015. Вып. 2 (37). С. 41–58

Маслинский Кирилл Александрович,
НИУ Высшая школа экономики
(Санкт-Петербург)
maslanych@gmail.com

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ Часть 2¹: Слово учителя в устах государства

К. А. МАСЛИНСКИЙ

Задачи этой статьи — проанализировать советские школьные правила как часть непрерывной школьной традиции и как способ репрезентации образа советского школьника. Вторая часть статьи посвящена анализу содержания корпуса из 21 текста правил, напечатанных в СССР (1937—1984) типографским способом от имени отдельных школ. Текст правил, взятый в отдельности, не может использоваться как прямое свидетельство дисциплинарной практики, однако в рамках корпуса вариативность в их содержании и формулировках позволяет наблюдать пространство выбора, в рамках которого действовали составители правил, а закономерности такого выбора позволяют реконструировать логику дисциплинарного мышления, которой они руководствовались. В статье выбор составителей правил рассмотрен на нескольких уровнях. На уровне выбора сферы регулирования (набора ситуаций повседневности, к которым применимы школьные правила) выявилось меньшее, чем можно было бы ожидать, распространение правил на внешкольную повседневность советского ребенка. На уровне выбора деталей повседневности, упоминаемых в правилах, обнаруживается инструмент, обеспечивающий лабильность советской школьной дисциплинарной практики: внимание или невнимание к деталям поведения. Наконец, анализ выбора на уровне формулировок правил позволяет найти отзвуки повседневных конфликтных сценариев в форме запретов и угроз.

Содержание правил поведения в советских школах, как минимум с момента публикации «Правил для учащихся» в 1943 г., в очень значительной степени зависело от текстов правил, предложенных государственной властью и центральной педагогической печатью. Однако в этих «спущенных сверху» текстах, когда они опускаются до регламентации деталей школьной рутины, с неизбежностью прорывается дискурсивная позиция школьного учителя и его повседневные дисциплинарные потребности. В данной части статьи я обращаюсь к содержанию советских школьных правил поведения, рассматривая их не как государственный документ, а как источник советской школьной повседневности.

¹ Часть 1 см.: Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 1 (36). С. 56–72.

Для школьных правил поведения в интерпретации не только советских, но и западных педагогов характерна двоякая цель: социальная регуляция, т. е. установление порядка в школе, и воспитание моральных качеств учащихся². В двухчастной системе правил для учащихся и единых требований, сложившейся в послевоенный период, последние постепенно переняли на себя функцию социального регулирования таким образом, что в правилах для учащихся осталась только морально-воспитательная программа. Но если о программе морального воспитания советского человека и советского ребенка написано уже довольно много³, то конкретные дисциплинарные практики советской школы значительно менее изучены. Картина школьной повседневности, которую можно восстановить по устным и письменным мемуарным источникам, с неизбежностью получается довольно отрывочной. Известная работа Катрионы Келли о советской школе⁴ подверглась критике, в частности, за придание общезначимого статуса тем или иным практикам на основании отдельных свидетельств⁵.

Школьные правила поведения («Единые требования к учащимся» в послевоенной советской терминологии) оказываются интересным источником для другого подхода к реконструкции дисциплинарных практик советской школы. Правила являются не фиксацией, а репрезентацией дисциплинарной практики, пропущенной через фильтры официального педагогического дискурса, и в этом смысле они могут служить источником для реконструкции повседневности только с очень значительными оговорками. Тем не менее сама жанровая природа списка правил поведения задает установку на систематическую и исчерпывающую репрезентацию школьной повседневности, чего лишены любые личные воспоминания. В результате правила поведения дают специфический ракурс для историко-антропологического исследования, позволяющий восстановить образ советского школьного распорядка как целостный идеальный тип, охватить сферу дисциплинарного контроля в советской школе.

Нужно сразу оговориться, что этот идеальный тип так же не является исчерпывающим описанием дисциплинарной практики, как и отрывочные воспоминания. Тем не менее вариативность, наблюдаемая в локализованных текстах правил отдельных школ, позволяет наметить границы изменчивости идеальной схемы школьной повседневности. Как мне думается, целостная схема школьного распорядка вкупе с описанием его возможной изменчивости представляет со-

² *Thornberg R.* The moral construction of the good pupil embedded in school rules // *Education, citizenship and social justice*. 2009. Vol. 4, no. 3. P. 245–261.

³ См., например: *Zajda J.* The moral curriculum in the Soviet school // *Comparative Education*. 1988. Vol. 24, no. 3. P. 389–404; *Riordan J.* The role of youth organizations in communist upbringing in Soviet school // *The making of the soviet citizen*. Croom helm, 1987. P. 136–160; *Muckle J.* The new Soviet child: Moral education in Soviet schools // *The making of the soviet citizen*. Croom helm, 1987. P. 1–22; *Livschiz A.* Growing up Soviet: Childhood in the Soviet Union, 1918–1958. Stanford University, 2007; *Kirschenbaum L. A.* Small comrades: Revolutionizing childhood in Soviet Russia, 1917–1932. N.-Y.; L., 2001. и др.

⁴ *Келли К.* Школьный вальс: Повседневная жизнь постсталинской советской школы // *Антропологический форум*. 2004. № 1. С. 104–155.

⁵ См.: Обсуждение статьи Катрионы Келли «Школьный вальс» // *Антропологический форум*. 2006. № 4. С. 7–107.

бой важное дополнение к мемуарным источникам, необходимое для понимания специфики дисциплинарного процесса в советской школе.

Дальнейший анализ будет построен на материале довоенных правил поведения отдельных школ и послевоенных единых требований к учащимся конкретных школ и регионов⁶.

Сферы дисциплинарного контроля

Весь корпус правил, обращенных к советскому школьнику, складывался из трех основных источников: требований школьного порядка, культурного поведения и гигиены. Взятые вместе, эти источники способны охватить предписаниями всю повседневность советского ребенка на уровне мельчайших деталей. Правила, мотивированные другими соображениями, например, идеологически значимой потребностью трудиться или требованиями безопасности, значительно менее многочисленны.

Правила поведения для детей в форме требований, предписаний и наставлений печатались в советское время не только под эгидой школы, но и от имени пионерской организации, комсомола, а также врачей и педагогов в широком смысле и могли быть адресованы родителям, учителям, детям и подросткам⁷. Их содержание во многом пересекается с едиными требованиями школы. Однако в данной статье будет рассмотрено изолированно только содержание единых требований. Это ограничение сделано в силу двух причин. Во-первых, школьные правила (с середины 1950-х гг. под именем «единых требований») отчетливо выделяются как жанр среди подобных им наставлений. Даже если эти правила сшиты в одной брошюре, например, с правилами культурного поведения, они четко разграничиваются рубрикацией. Во-вторых, единые требования предъявляются от имени школы и в большей мере имеют статус обязательных к исполнению правил, чем те же правила культурного поведения, которые чаще оформляются в виде текста, а не нумерованного списка, пишутся в стилистике моральных наставлений и даже могут быть озаглавлены «Наставления учащемуся». О более высоком дисциплинарном статусе единых требований говорит и само их название, учитывая значение установившегося в послевоенной советской педагогике термина «педагогическое требование»⁸.

В послевоенной педагогике и административной практике наблюдается отчетливая тенденция к максимальному расширению кодекса требований, обращенных к школьникам, как в количественном, так и в содержательном отноше-

⁶ Материалом для анализа послужила та же коллекция брошюр с правилами поведения из собрания Российской Национальной библиотеки, которая описана в первой части настоящей статьи.

⁷ См., например: *Белькович О. В.* [и др.] *Спутник школьника*. М.; Смоленск, 1933; *Правила культурного поведения школьников // Воспитание сознательной дисциплины и культуры поведения школьников / И. С. Марьенко*, ред. М., 1982. С. 128–156; *Единые педагогические требования к учащимся. Сборник документов. Вып. 1 / В. Е. Лебедева, В. М. Коротов*, сост. М., 1967; *Единые педагогические требования к учащимся. Сборник документов. Вып. 3 / И. С. Долинская*, сост.; *В. М. Коротов*, ред. М., 1972.

⁸ См., например: *Коротков В. М.* *Педагогическое требование*. М., 1966.

нии. Составители единых требований, черпая из названных выше источников, были все же ограничены объемом типового списка длиной в несколько десятков правил и никогда его существенно не превышали. Поэтому они должны были выбирать, какие моменты повседневности включать в сферу действия правил. Мне представляется наиболее показательным очертить те границы в повседневности ребенка, перед которыми составители школьных требований останавливались, не находя нужным или возможным включать в правила то, что лежит за их пределами. Лежащую внутри этих границ сферу повседневности можно рассматривать как зону, в рамках которой не обязательно был, но на которую в принципе мог быть распространен школьный дисциплинарный контроль в советском обществе.

Для анализа сферы школьного контроля не так важно, что именно предписывают правила в той или иной ситуации, как тот факт, что поведение в этой ситуации в принципе регламентируется правилом⁹. Такой подход позволяет систематически сопоставлять разные по содержанию и формулировкам тексты правил, выделяя в них только регламентируемые моменты повседневности. Здесь и далее регламентируемые правилами ситуации и детали я буду называть *точками контроля*. Точки контроля, присутствующие в формулировках школьных правил, — это сигнал, что в соответствующих ситуациях от учителей ожидаются регулирующие дисциплинарные действия.

Сколько-нибудь объемные списки школьных правил обычно разбиваются на тематические разделы. Это было характерно и для дореволюционных правил, и для правил и единых требований, издававшихся отдельными школами в советский период. По названиям разделов можно оценить как регламентируемые зоны повседневности, так и внутреннюю логику ее структурирования. Набор и даже названия разделов оставались довольно стабильными с середины 1950-х гг. и часто воспроизводили (с учетом перестановок, вставок, реже слияния и опущения разделов) структуру типового списка единых требований. Например, типовой список единых требований, опубликованный в 1955 г., содержит следующие разделы требований:

1. К поведению учащихся до начала уроков.
2. На уроке.
3. На переменах и при уходе из школы.
4. На собраниях, вечерах, пионерских сборах.
5. Дома.
6. К состоянию учебников, тетрадей, дневников, рабочего места.
7. К внешнему виду и костюму.
8. К речи учащегося.
9. К поведению на улице и в общественных местах¹⁰.

⁹ Ср.: *Boostrom R.* The nature and functions of classroom rules // *Curriculum inquiry*. 1991. Vol. 21. № 2. P. 193–216.

¹⁰ *Болдырев Н.* Директор — организатор воспитательной работы // *Народное образование*. 1955. № 1. С. 42–44.

В изданных школами требованиях сверх этого списка встречаются разделы, посвященные поведению в буфете/столовой, обязанностям дежурных, санитаров, старост, поведению на экскурсиях и в театрах в ходе школьных выездов.

Общий характер предписаний в рамках каждой из названных зон повседневности может быть описан с помощью типологии правил. Если основывать типологию правил на их прагматике (например: организовать школьный процесс, обеспечить безопасность детей, приучить к этикету и т. п.), как, например, предложено в работе Торнберга¹¹, получившиеся категории оказываются разнородными и скрадывают конкретные детали повседневности, подверженные дисциплинарному контролю. Поэтому для целей настоящего исследования оправданно предложить классификацию правил, основанную на том, к какой сфере относится объект дисциплинарного контроля.

Дисциплинарный контроль в советских школьных правилах можно разделить на четыре отчасти пересекающиеся сферы.

1. Ситуативная — регуляция поведения, привязанная к определенной типовой ситуации (вход в школу, ответ у доски и т. п.), либо полный запрет отдельных форм поведения — таких как курение или азартные игры.

2. Телесная — в отдельную категорию имеет смысл выделить предписания, непосредственно затрагивающие личное пространство: позу, костюм, чистоту тела. К этой категории относятся все утверждения о том, как следует выглядеть.

3. Коммуникативная — правила, охватывающие ситуации взаимодействия со взрослыми и другими школьниками: встреча, просьба и т. п. К этой категории следует отнести и всю регламентацию речевой сферы: речевой этикет и запрет грубой лексики и прозвищ.

4. Предметная — регуляция поведения, затрагивающего предметную сферу: требования определенного порядка на рабочем месте, правила обращения со школьными принадлежностями и имуществом и т. п.

В рамках этой классификации текст правил может быть отнесен сразу к нескольким сферам, например ситуативной, коммуникативной и телесной: «При встрече с учителями школы здоровайся, уступай дорогу, если сидишь, встань, пока ани [sic!] пройдут»¹². Однако цель классификации — не распределить правила на группы, а, просуммировав содержание всего рассмотренного корпуса правил, составить общий перечень упомянутых в правилах точек контроля по каждой из выделенных сфер.

Наиболее развернуто в единых требованиях представлено регулирование ситуативной сферы. Ее основу составляет дневной школьный цикл: приход в школу — урок — перемена — уход из школы. В большинстве случаев именно в этом порядке правила и располагаются в списке. В рамках дневного цикла в качестве точек контроля выступают рутинные ситуации школьного дня: вход в школу, раздевание в гардеробе, вход в класс по звонку, приветствие учителя, переключки, опрос, ответ с места и у доски, опоздание на урок, удаление из класса, дви-

¹¹ *Thornberg R. A categorisation of school rules // Educational Studies. 2008. Vol. 34. № 1. P. 25–33.*

¹² Памятка учащимся школы им. Камо. Ереван, 1960. 6-я типография Армпוליграфиздата.

жение по коридорам на переменах, пользование уборной и т. п. Посвященные дневному циклу разделы наиболее пространны в большинстве вариантов единых требований, включают весьма устойчивый набор из десятков подобных ситуаций и составляют зону наиболее легитимного применения школьных правил. К ним примыкают события, не встроены в дневной цикл, но контролируемые учителями: собрания, вечера, экскурсии и другие мероприятия в стенах школы и вне ее. В целом единые требования стремятся охватить мельчайшие аспекты школьной повседневности, моделируя идеальную механику учебного процесса, которую некоторые исследователи называют «школьной хореографией»¹³.

Телесная сфера представлена в рамках дневного цикла регулированием позы в ритуальные моменты урока: при сидении за партой, ответе с места и у доски, при вопросе учителя: «Если тебя спрашивают с места, встань возле парты. Стой прямо, опустив руки или держа их за спиной»¹⁴. Но большая часть требований этой сферы сосредоточена в разделах правил с типовым названием «К внешнему виду и костюму». Точки контроля в этой сфере включают форму одежды (школьную и физкультурную), в том числе знаки принадлежности к детским организациям¹⁵, чистоту одежды и тела (лица, шеи, рук, ногтей) и прическу: «Учащиеся обязаны приходить в школу опрятно одетыми, чисто вымытыми, с аккуратно подстриженными волосами и ногтями»¹⁶; «Форма учащегося должна быть чистой, выглаженной, ботинки должны быть чистыми»¹⁷.

Точки контроля в коммуникативной сфере относятся к моменту встречи со взрослым (уступать дорогу, приветствовать, обращаться с просьбой), речевому этикету (формы приветствия, извинения), громкости и темпу речи (не кричать на переменах), а также лексическому выбору. Под запретом оказываются слова-паразиты, грубые выражения, прозвища. «Отвечать громко, внятно, не спеша»¹⁸; «В помещении школы не кричи, не бегай, соблюдай порядок»¹⁹; «При обращении с просьбой пользуйся словами: “пожалуйста”, “будьте добры”, “простите”, “благодарю вас”, “спасибо”»²⁰.

Предметную сферу, затронутую в правилах, можно условно разбить на две части. Большую часть составляет школьное имущество и школьные принадлежности; посвященные этому правила часто выделяются в особый раздел с типовым названием «К состоянию учебников, дневников, тетрадей, рабочего места».

¹³ Eggermont B. The choreography of schooling as site of struggle: Belgian primary schools, 1880–1940 // *History of Education*. 2001. Vol. 30. № 2. P. 129–140.

¹⁴ Единые требования к учащимся Теплогорской средней школы. 1961.

¹⁵ Примечательно, что в послевоенный период требование носить пионерский галстук появляется в списке правил не как идеологическое требование пионерской организации, а как дисциплинарное требование школы. Это свидетельствует не только о степени сращения школы и пионерии, но и о приоритете школы в дисциплинарных вопросах.

¹⁶ Правила поведения учащихся на 1940–1941 уч. год. Свердловск, 1940. Типолаборатория КИЖ.

¹⁷ Единые требования к учащимся Селятинской средней школы № 2. Б. м., 1978.

¹⁸ Единые педагогические требования к учащимся школ города Хмельницкого. Хмельницкий, 1957. Областная типография.

¹⁹ Единые требования к учащимся. Вологда, 1961.

²⁰ Единые требования к учащимся средней политехнической школы № 7 Свердловской ж. д. Свердловск, 1962. Типография изд-ва «Уральский рабочий».

В сферу контроля входят содержание книг и тетрадей, инструменты для письма, расположение предметов на парте, целостность школьных парт, цветов на окнах и стеклах. «Необходимый учебник, дневник, тетради должны быть аккуратно положены в верхнем углу парты»²¹; «Изложение работы обязательно начинается на той странице, на которой написаны дата и тема»²². Меньшую часть составляют правила, затрагивающие личные вещи школьника: запрет приносить посторонние вещи в школу и держать их в карманах, предписание иметь в кармане расческу.

Для анализа границ дисциплинарного влияния школы в советском обществе особый интерес представляют правила, выходящие за пределы школьных стен. Так, дисциплинарные рамки повседневного школьного цикла могут быть раздвинуты за пределы школьного порога и распространены на дорогу в школу и обратно. В разделах правил, посвященных приходу в школу и уходу из нее, иногда обнаруживаются правила о поведении на пути в школу: «Приходи в школу по дороге, не переходи через спортплощадку, не лезь через забор, входи в школу только через парадную дверь»²³. Кроме того, материальной зацепкой, позволяющей захватить в сферу контроля дорогу от дома до школы, служит школьная форма, которую ученик надевает уже дома: «Выходя из дома, посмотри в зеркало, все ли в порядке — одежда, воротничок, костюм, пальто, головной убор»²⁴.

Особые разделы «Дома» и «На улице и в общественных местах»²⁵ были включены в типовые требования, напечатанные в 1955 г., после чего они почти всегда присутствуют в брошюрах отдельных школ. До этого момента правила, затрагивающие домашнюю и внешкольную сферу, приводились очень эпизодически и были немногочисленны. В то же время в единых требованиях после 1955 г. эти разделы очень мало редактируются и их содержание часто воспроизводит шаблон, заданный в типовом тексте.

Основной ключ к проникновению школы в домашнюю сферу — домашнее задание, присутствующее во всех брошюрах, где есть раздел домашних правил. Оно открывает составителям правил возможность дать целый ряд поведенческих указаний о порядке выполнения домашнего задания. В регулирование предметной сферы школы проникает за счет правил обращения со школьными принадлежностями: «Складывай в сумку книги и тетради по порядку, соответствующему расписанию уроков следующего дня»²⁶ — и указаний по поводу школьной

²¹ Единые требования школы к учащимся. Симферополь, 1954.

²² Единые требования коллектива 140 школы г. Москвы. М., 1968. Типография изд. «Связь» Комитета по печати при Совете министров СССР.

²³ Единые требования школы и семьи к учащимся рижской средней школы № 20. Рига, 1965.

²⁴ Единые требования к учащимся Новопашийской средней школы. Б. м., 1961.

²⁵ Семья и улица с 1920-х гг. мыслились как главные оппоненты советской школы в борьбе за влияние на детей. В 1935 г. высокопоставленными советскими чиновниками еще высказывались сомнения относительно возможности дисциплинарного контроля над детьми вне стен школы (*Livschiz. Growing up Soviet...* P. 262). Однако со временем установка на внешкольный контроль прочно укрепилась в каноническом представлении о социальных функциях советской школы, что отразилось и на содержании единых требований.

²⁶ Единые требования к учащимся. Вологда, 1960.

формы: «Придя из школы, сними, почисти и повесь свой школьный костюм. Одень домашнее платье»²⁷. Эпизодически возникает требование показывать родителям дневник. Школьный временной ритм проецируется в домашнюю сферу в виде требования соблюдать режим дня: «Дома ученики должны соблюдать установленный школой режим»²⁸. При этом частности режима в правилах обычно отсутствуют, в единичном случае упоминается утренняя зарядка.

Сформировав раздел домашних указаний, составители единых требований получают возможность наполнить его правилами, уже прямо не мотивированными потребностями учебы. В поведенческой сфере наиболее устойчивы в текстах предписания, касающиеся домашних обязанностей, и прежде всего — уборки квартиры: «Дома помогай взрослым убирать комнаты, накрывать на стол и убирать со стола, мыть посуду»²⁹. Вторая обязанность, устойчиво включаемая в большинстве вариантов требований, — присмотр за младшими братьями и сестрами, сформулированный как необходимость дисциплинарного контроля за их школьными обязанностями: «Контролировать выполнение режима младших братьев и сестер, оказывать им разумную помощь в подготовке домашних заданий»³⁰. Иногда правила делегируют школьную дисциплинарную власть родителям, предписывая слушаться родителей или уходить из дома только спросив их³¹.

В коммуникативную сферу в пределах дома школьные правила вторгаются только в двух точках: вежливое и тихое поведение дома, чтобы не беспокоить соседей, и несколько реже включаемое требование культурного поведения за столом: «Будь вежливым, предупредительным не только с родными, но и с соседями, не беспокой взрослых шумными играми, возгласами, громкой песней»³². Любопытно, что характерное для школьных правил дисциплинарное требование не шуметь проецируется здесь и в домашнюю сферу.

Предписания относительно поведения вне дома и школы в единых требованиях не слишком сильно варьируются и охватывают довольно узкий круг ситуаций. Наиболее значительный и одновременно наиболее устойчивый блок касается поведения в ситуациях непосредственного взаимодействия со взрослыми. Константой, присутствующей во всех послевоенных текстах, является требование уступать место в общественном транспорте. Довольно часты, хотя и могут быть опущены, правила, требующие уступать дорогу взрослым при встрече и помогать старым и слабым. Кроме того, все правила этого раздела, которые

²⁷ Единые требования к учащимся Теплогорской средней школы. Б. м., 1961.

²⁸ Единые требования коллектива 140 школы г. Москвы. М., 1968. Типография изд. «Связь» Комитета по печати при Совете министров СССР.

²⁹ Памятка учащимся школы им. Камо. Ереван, 1960. 6-я типография Армпалиграфиздата.

³⁰ Единые требования к учащимся. Б. м., 1956.

³¹ Становление сталинской версии советской школы происходило в 1930-е гг. на фоне перехода от политики разрушения авторитета семьи 1920-х к политике воспитания послушного ребенка. Тем не менее и в этой системе координат школа должна была иметь более высокий авторитет, чем семья: и ребенок, и его родители должны были подчиняться воспитательным требованиям школы. Подробнее об этом см.: *Livschiz*. Op. cit.

³² Памятка учащимся школы им. Камо. Ереван, 1960. 6-я типография Армпалиграфиздата.

можно отнести к коммуникативной сфере, также регулируют коммуникацию со взрослыми: приветствие, извинение и форма обращения ко взрослым.

Все прочие предписания относительно поведения в общественных местах представляют собой гораздо менее устойчивый блок. Почти во всех текстах присутствует правило, запрещающее шуметь: «Веди себя скромно и прилично. Не доставляй неприятностей окружающим, не толкайся, не кричи, не свисти, не разговаривай очень громко, не пой там, где это не принято»³³. Школьные правила также могут требовать соблюдения других правил: дорожного движения, пользования городским транспортом, поведения в общественных местах, довольно устойчиво предписание брать билет в общественном транспорте без напоминания кондуктора. В отдельных текстах появляются ситуативные этикетные требования: снимать шапку в помещении или придерживать дверь.

Наиболее заметную асимметрию в степени регулирования в стенах школы и вне ее демонстрирует телесная сфера. В послевоенных правилах телесная сфера практически не обнаруживается в правилах, посвященных поведению дома. Единственной точкой контроля оказывается указание о правильной позе при занятиях. Та же картина характеризует и раздел о поведении вне школы, где лишь в нескольких изданиях обнаруживается одно правило, затрагивающее телесную сферу: «При ходьбе на улице не размахивай руками, не топай и не шаркай ногами, не кушай, не грызи семечки»³⁴. В то же время в отдельных правилах 1930-х гг. можно обнаружить целый ряд указаний о том, как и когда следует мыться дома: «Каждую неделю мойся в бане и сменяй белье. Утром мой с мылом лицо, руки, уши, шею, чисть зубы. Мой руки перед едой»³⁵. Таким образом, в послевоенной школе дисциплинарный контроль в телесной сфере довольно жестко ограничен школьными стенами. Характерно, что первое правило раздела, посвященного внешнему виду, почти всегда содержит указание на момент входа в школу: «Учащиеся должны являться в школу чистыми и опрятными, иметь при себе носовой платок»³⁶.

В целом можно отметить, что по корпусу единых требований разных периодов и школ прослеживается несколько устойчивых поведенческих черт, характеризующих требования к облику советского школьника вне школы. В совокупности эти черты можно определить как советскую формулу послушного ребенка: помогать родителям по дому, уступать место в транспорте, не шуметь дома и на улице, соблюдать речевой этикет при встрече со взрослыми.

(Не)подвижность нормы: точки варьирования в правилах

Единые требования разрабатывались и внедрялись с установкой на модификацию стандартного текста. Школьным администраторам предлагалось править типовые списки требований с учетом школьной ситуации: «Поэтому, составляя

³³ Болдырев. Указ. соч.

³⁴ Единые требования школы к учащимся. Симферополь, 1954. Типография Крымиздата.

³⁵ Правила поведения учащихся Хасав-юртовской средней школы № 1 им. Максима Горького. Б. г. Гостипография № 4.

³⁶ Единые педагогические требования к учащимся школ города Хмельницкого. Хмельницкий, 1957. Областная типография.

“Единые требования” для какой-либо школы, важно иметь под руками не только примерный текст их, но и перечень тех норм поведения, которые не выполняются или нарушаются в данной школе»³⁷. Существующие тексты требований, изданные от имени отдельных школ, показывают, что правка и дополнение типовых текстов действительно производились. Однако подобные модификации распределены по тексту неравномерно: альтернативные формулировки и дополнительные правила возникали применительно к разным моментам школьной повседневности с неодинаковой частотой. Те зоны, в которых сконцентрированы изменения и дополнения, указывают на еще не окончательно канонизированную область идеального типа советской школы, в которой можно заметить процессы интерпретации дисциплинарных норм и проведения границ допустимого.

За основу для оценки вариативности в наборе ситуаций и формулировках взят текст типовых единых требований, опубликованный в 1955 г.³⁸ При сравнении вариантов на фоне этого текста отчетливо выделяются разделы с низкой изменчивостью: на уроке; дома; вне школы; на собраниях, вечерах, сборах; к состоянию учебников, дневников, тетрадей; к речи учащегося. Наибольшее разнообразие деталей в правилах связано с теми ситуациями, которые находятся в пределах школы, но вне урока: приход и уход из школы, поведение на переменах, в столовой, обязанности дежурных, санитаров и старост.

Различия в формулировках, перестановки и перемещения правил между разделами подтверждают работу разных редакторов над текстами для различных школ. При этом с содержательной точки зрения набор редактируемых моментов очень ограничен и смысл сделанных дополнений сводится к описанию по существу одних и тех же дисциплинарных практик. Различия между школами, если они обнаруживаются, сосредоточены в мельчайших внешних деталях реализации этих практик. Например, весьма развернутые разделы о дежурстве по классу и школе, когда они присутствуют, описывают в целом константный репертуар практик: контроль внешнего вида и опозданий при входе в школу, подготовка класса к уроку, контроль за классом на перемене (уборка, проветривание, недопущение учеников в класс), дежурство по школе в столовой, гардеробе, коридорах, контроль за соблюдением правил поведения, контроль за качеством дежурства, процедурные моменты: прием и сдача дежурства, ежедневные и еженедельные линейки, на которых оценивается дежурство и куда вызывают нарушителей для разбора проступков. Варьируются только детали субординации (кому именно сдаются рапорты и кто выставляет оценки и записывает замечания в журнал дежурств) и количество дежурных, срок дежурства и внешняя атрибутика (наличие и цвет повязки). Могут варьироваться и детали самой дисциплинарной процедуры — например, в одной из школ практика проставления замечания в дневник опоздавших дежурным при входе в школу автоматизируется в виде штампа: «Дежурный у двери ставит в дневник штамп “Опоздал”»³⁹.

³⁷ Организация и воспитание [школьного] ученического коллектива / И. Л. Болдырев, ред. М., 1959. С. 58–59.

³⁸ Болдырев Н. Указ. соч.

³⁹ Единые требования к учащимся средней политехнической школы № 7 Свердловской ж. д. Свердловск, 1960. Типография изд-ва «Уральский рабочий».

Более существенный уровень варьирования — конкретизация и дополнение правил. В этом отношении показательны вариации в разделе, посвященном внешнему виду, где границы допустимого, установленные типовыми правилами, немного смещаются в вариантах, причем как в сторону усиления ограничений, так и послабления правил. Индикатором может служить пункт, регламентирующий прически учащихся. В типовом тексте он сформулирован так: «Все мальчики до VII класса должны быть острижены не наголо, но коротко. Прически всех девочек и мальчиков должны быть аккуратными»⁴⁰. Варианты могут как оговаривать некоторые свободы — «Им [мальчикам. — К. М.] разрешается носить “челочку”»⁴¹, так и накладывать дополнительные ограничения — «...а девочкам — с заплетенными в одну косу волосами с белой лентой в праздничные дни»⁴². Примечательно, что требование типовых правил 1955 г. приходит в форме с начищенными пуговицами, по всей видимости, воспринимается всеми редакторами как анахронизм и исчезает практически во всех последующих редакциях правил.

Одни и те же дисциплинарные требования в разных вариантах могут различаться степенью проработки деталей, регламентируемых в правилах. Например, одно и то же требование хранить сменную обувь в подписанном мешке может в одном из вариантов содержать точное указание о способе маркировки: «Для галош каждый ученик обязан иметь мешочек с указанием класса, фамилии и имени»⁴³; «На пальто и мешок для галош пришей белую полоску материала, на которой напиши класс, свою фамилию и № вешалки. Головной убор учащийся хранит в своей парте»⁴⁴. Наполнение деталями может приводить и к уточнению границ допустимого, например, типовое требование — «Не держи в карманах посторонних вещей»⁴⁵ — в уточненном варианте реализуется в виде закрытого списка допустимых предметов: «В карманах разрешается иметь только носовой платок, деньги для покупки завтраков, ученический билет, учащиеся 7–10 классов дополнительно расческу и записную книжку. Ученики 8–11 кл. имеют право носить часы»⁴⁶.

Еще одно измерение, в рамках которого у редакторов правил есть возможность варьировать границы правил, — временное. Так, если в типовых правилах указывается, что вход в класс после звонка возможен только с разрешения директора или завуча, то в правилах конкретной школы может быть выставлена дополнительная временная граница, после которой это правило вступает в силу:

⁴⁰ Болдырев Н. Указ. соч. С. 44.

⁴¹ Единые педагогические требования к учащимся школ города Хмельницкого. Хмельницкий, 1957.

⁴² Памятка учащимся школы им. Камо. Ереван, 1960. 6-я типография Армпалиграфиздата.

⁴³ Единые требования к учащимся. Вологда, 1960.

⁴⁴ Единые требования к учащимся средней политехнической школы № 7 Свердловской ж. д. Свердловск, 1960. Типография изд-ва «Уральский рабочий».

⁴⁵ Болдырев Н. Указ. соч.

⁴⁶ Единые требования школы и семьи к учащимся рижской средней школы № 20. Рига, 1965.

после второго звонка, после входа учителя или если опоздание на урок превышает пять минут.

В тех случаях, когда в вариантах правил привнесены пункты, отсутствующие в типовом списке, можно говорить скорее не о фиксации специфических дисциплинарных практик, не свойственных образцу, а о заполнении лакун в деталях регламентации, по каким-то причинам упущенных составителями типового списка требований. Например, пространственной зоной, в которой локализовано множество дополнений, являются двери школы, вестибюль при входе в школу и гардероб. Это пространство актуализируется в правилах в связи с ситуациями входа в школу перед началом уроков и выхода из школы после их окончания. В дополнение к типовым правилам здесь регулируется момент входа и выхода в школьную дверь (очередность, спокойное поведение, головной убор): «При выходе из школы не толкайся, пропусти вперед малышей, не кричи, не груби с товарищами, будь внимательным к окружающим. По дороге не задерживайся, иди сразу домой»⁴⁷. Подробно прописывается процедура впуска в школу и выхода из школы после уроков: «Направляться в класс по определенному маршруту, придерживаясь правой стороны»⁴⁸; «С последнего урока учащиеся идут только строем и в установленном учителем порядке в гардеробную для получения одежды»⁴⁹.

В целом вариативность единых требований демонстрирует, что за едиными требованиями стоит общий для советской школы канон повседневных дисциплинарных практик, довольно устойчивый как в региональном отношении, так и на протяжении рассматриваемого периода. Изменения и дополнения, вносившиеся в правила отдельных школ, показывают скорее не альтернативные версии этого канона, а восполняют пробелы в его записи, представленной типовым списком единых правил. Редакторы, занимавшиеся локализацией типовых требований, вносили правки прежде всего для того, чтобы акцентировать некоторые детали общего порядка. Мне представляется, что внимание к деталям, выраженное в степени их проработки в правилах, несет в себе основные черты индивидуальности дисциплинарного лица отдельных советских школ.

Проекция конфликта: запреты и угрозы

Воплощая стремление администраторов контролировать мельчайшие поведенческие реакции школьников, правила размечают в школьной повседневности точки напряженности, каждая из которых может быть развернута в дисциплинарный конфликт. В зависимости от формулировки правила, проекция конфликта выражается в более или менее свернутой форме. Так, если правило описывает идеальную модель поведения «ходить спокойно, не нарушая общего порядка»⁵⁰, следует ожидать, что любое отклонение от этой модели может стать поводом для претензий со стороны учителей. Однако такая формулировка не

⁴⁷ Единые требования к учащимся Теплогорской средней школы. 1961.

⁴⁸ Единые педагогические требования к учащимся средней школы № 105, принятые педагогическим советом 07.01.84 г. Б. м., 1984.

⁴⁹ Единые требования к учащимся Селятинской средней школы № 2. Б. м., 1978.

⁵⁰ Единые требования к учащимся. Б. м., 1956.

несет в себе информации о формах отклоняющегося от идеала поведения, способных привести к конфликту. Гораздо более информативны в этом отношении правила, содержащие узкие поведенческие предписания: «Учащимся на переменах разрешается ходить только по правой стороне коридора (по ходу движения), по коридору ходить не более, чем по двое»⁵¹ или прямые запреты «Если тебя учитель удалил из класса, без пререканий оставь класс»⁵². За ними стоят повседневные формы нарушений — настолько ожидаемые, что они встраиваются в формулировки правил на уровне пресуппозиции.

Примерами запретов и узких предписаний изобилуют правила, касающиеся перемещения учеников по школе. В типовых требованиях присутствуют пункты, регулирующие эту сферу, но в локализованных вариантах их формулировки часто дополняются деталями, дающими представление о целом спектре повседневных ситуаций, вызывающих у администраторов потребность в дисциплинировании: «не бегай, не устраивай возню»⁵³; «запрещается толпиться в туалетах»⁵⁴; «в раздевалке вести себя спокойно, не толпиться, не разговаривать громко»⁵⁵; «запрещается бегать, кричать, возиться, свистеть»⁵⁶. Апогея этот режим регулирования достигает в правилах, изображающих полностью дисциплинированные детские тела: «Уходя домой, учащиеся в левой руке несут сумку, а в правой — головной убор»⁵⁷; «При проведении перемены в школьном помещении учащимся разрешается спокойно ходить по правой стороне коридора, тихо беседуя с товарищами»⁵⁸. Такие правила можно рассматривать как сгущенный опыт учителей и администраторов, профильтрованный сквозь стереотипный образ идеального школьного порядка. Упоминание в них конкретных нарушений — симптом привычного дисциплинарного действия, выражаемого замечанием учителя, окриком или жестом.

Несколько особняком стоят правила, сформулированные целиком в виде строгих или категорических запретов. Категоричность запрета включает в себе требование неизбежного наказания, исходящее от составителя правил. Набор ситуаций, подвергавшихся категорическому запрету в единых требованиях, невелик. Наиболее частотны запреты приносить в школу предметы, не относящиеся к учебе, портить школьное имущество, подсказывать на уроках, находиться в коридоре во время уроков. Бывают и специфические запреты в единичных вариантах, например: «Категорически запрещается бросать бумагу на пол и через

⁵¹ Единые требования. Бауск. Б. г. Бауская тип.

⁵² *Болдырев*. Указ. соч. С. 43.

⁵³ Единые требования к учащимся средней политехнической школы № 7 Свердловской ж. д. Свердловск, 1960. Типография изд-ва «Уральский рабочий».

⁵⁴ Единые требования к учащимся. Вологда, 1960.

⁵⁵ Правила поведения для учащихся: (70 средняя школа г. Воронежа). Воронеж, 1972. Типогр. изд-ва «Коммуна».

⁵⁶ Единые требования к учащимся Селятинской средней школы № 2. Б. м., 1978.

⁵⁷ Единые педагогические требования к учащимся школ города Хмельницкого. Хмельницкий, 1957. Областная типография.

⁵⁸ Единые требования коллектива 140 школы г. Москвы. М., 1968. Типография изд. «Связь» Комитета по печати при Совете министров СССР.

окно на двор»⁵⁹. Практически все перечисленные ситуации (кроме разве что под-сказок), подразумевают в той или иной форме участие администрации школы и могут служить своего рода предупреждением о возможной эскалации конфликта до уровня администрации.

Ожидаемый путь его эскалации нередко получает отражение в правилах в форме угроз. Под угрозой в случае правил следует понимать предупреждение о возможных дисциплинарных взысканиях в связи с каким-либо нарушением. Нередко угроза стыкуется с категорическим запретом, рисуя перспективу его нарушения: «При умышленном и неоднократном повреждении школьного имущества учащийся подвергается строжайшему наказанию, вплоть до исключения из школы»⁶⁰. Угрозы в правилах позволяют не только проследить связь конкретных дисциплинарных мер с определенными формами проступков, но и в некоторых случаях зафиксировать внутреннюю последовательность применения наказаний и их верхний предел — самое строгое мыслимое наказание за подобный проступок: «Если у учащегося отсутствуют необходимые учебные принадлежности (ручка, книги, тетради и т. д.), учитель принимает соответствующие меры: дает замечание, выговор ученику, сообщает классному руководителю. При неоднократном нарушении учащимся данного требования он направляется после окончания урока к директору или завучу школы»⁶¹. Перспективные угрозы раскрывают внутреннюю иерархию в серьезности проступков, где порча школьного имущества занимает значительно более важное место, чем отсутствие школьных принадлежностей.

В правилах советской школы угрожают единицей за отказ от ответа, необходимостью остаться после уроков за невыученный урок, недопущением в школу за неряшливый вид, замечанием в дневнике за опоздание в школу, жалобой классному руководителю за плохое дежурство, записью в журнал поведения или жалобой родителям за отсутствие дневника, изъятием не относящихся к учебе вещей, вызовом на линейку за нарушение правил поведения в школе, материальной ответственностью и исключением из школы за порчу школьного имущества.

Наиболее общая угроза, которая может присутствовать в правилах, — общий список мер взыскания, применяемых в школе, который приводится отдельным разделом в конце правил безотносительно конкретных проступков. Однако такие списки в целом не характерны для единых требований большей части рассматриваемого периода, имеющиеся два примера относятся лишь к самому его началу и концу⁶².

Текст правил не только содержит проекции повседневных школьных конфликтов, но и сам по себе может включаться в школьные дисциплинарные процедуры. Так, если для учителей ссылка на текст единых требований вряд ли требуется для реализации дисциплинарной власти в повседневных ситуациях,

⁵⁹ Единые требования школы и семьи к учащимся рижской средней школы № 20. Рига, 1965.

⁶⁰ Единые требования к учащимся Селятинской средней школы № 2. Б. м., 1978.

⁶¹ Правила поведения для учащихся: (70 средняя школа г. Воронежа). Воронеж, 1972. Типогр. изд-ва «Коммуна».

⁶² Правила поведения учащихся на 1940–41 уч. год. Свердловск, 1940. Типолаборатория КИЖ.

то для дежурных, которым дисциплинарная власть делегируется от учителей, текст правил поведения служит законом и источником власти в конкретных ситуациях. «Все дежурные по школе должны следить за порядком в школе и дисциплиной учащихся, требовать от всех учащихся выполнения “Правил для учащихся” и “Правил внутреннего распорядка школы”»⁶³. Использование текста правил не фиксируется в самих правилах, но упоминания о нем присутствуют в описаниях дисциплинарных практик в педагогической литературе. Например, в одной из первых статей, популяризирующих введение единых требований в школе, приведено описание случая: когда ученики боролись на перемене, дежурный заставил их выучить раздел из правил «На перемене», ученики выучили и ответили на «5»⁶⁴.

Заключение

Содержание корпуса правил раскрывает некоторые принципиальные свойства дисциплинарной системы в советской школе, если анализировать правила как пространство выбора. Взятый сам по себе, ни один из текстов правил ничего не говорит о повседневной дисциплинарной практике: любые правила могли игнорироваться, применяться избирательно, по-разному трактоваться и т. д. Однако взятые в совокупности, разные варианты правил задают систему отсчета, в рамках которой можно говорить о выборе, сделанном авторами и редакторами текстов правил из заданного спектра содержательных возможностей. Наблюдаемые закономерности такого выбора — свидетельства, позволяющие реконструировать логику дисциплинарного мышления, носителями которой являлись авторы и редакторы правил.

В данной статье я рассмотрел выбор авторов и редакторов правил на нескольких уровнях. Самый высокий уровень — выбор сферы регулирования: набора ситуаций и деталей повседневности, к которым применимы школьные правила. Анализ текстов на этом уровне позволяет поставить вопрос о том, насколько и в каких формах для составителей правил было приемлемо распространение влияния школы за ее стенами. Обнаружился контраст довоенных и послевоенных правил. Довоенные правила либо вовсе не претендовали на внешкольную сферу, либо претендовали на довольно глубокую регуляцию повседневности в ограниченной сфере — личной гигиены. В послевоенных правилах внешкольная сфера неизменно присутствует, но практически не редактируется по сравнению с типовым текстом, что косвенно свидетельствует о низкой степени легитимности дисциплинарной практики в этой сфере⁶⁵. Регуляция внешкольной сферы оказалась в значительной степени связана с той частью повседневности, которая обусловлена самой школой: домашним заданием, школьными принадлежностями, дорогой в школу и обратно. Показательно, что наиболее жесткий режим

⁶³ Единые требования к учащимся. Вологда, 1960.

⁶⁴ Ганзен А. А. О единых педагогических требованиях в школе // Воспитательная работа в школьном коллективе / Л. И. Новиков, ред. М., 1958. С. 95–96.

⁶⁵ Ср. вывод первой части статьи о том, что высокая степень локализации текста правил свидетельствует о разделении редактором дисциплинарных установок центра и о вовлечении локальных авторитетов в конструирование дисциплинарной практики.

дисциплинарного контроля — телесный, он довольно четко ограничивается в правилах порогом школы. Вмешательство правил в семейную повседневность и поведение на улице по существу ограничено несколькими знаковыми ситуациями — уступать место в транспорте, мыть посуду и др. В целом послевоенные школьные правила позволяют довольно четко очертить границы, в которых школьная администрация и педагоги видели возможным достичь консенсуса с семьей и обществом в отношении дисциплинарных требований к детям, и эти границы не так широки.

Следующий уровень анализа — выбор деталей повседневности, акцентированных в правилах, в рамках конкретной ситуации, попавшей в сферу действия правил. Этот уровень выбора представляется мне инструментом, обеспечивающим лабильность советской школьной дисциплинарной практики в отдельных школах. Внимание или невнимание к определенным деталям — основной механизм смещения границ допустимого, который можно заметить благодаря жанру правил поведения. В текстах правил обнаруживаются несколько измерений варьирования: добавление или опущение деталей, конкретизация, уточнение временных ограничений. Большая часть редактирования правил укладывается в процесс детализации.

Наконец, последний уровень анализа — выбор на уровне формулировок в тексте правила. На этом уровне в правила в форме запретов и угроз проникают отзвуки повседневных конфликтных сценариев. Этот уровень анализа позволяет разметить точки напряженности в суммарном образе школьного распорядка, построенного на основании корпуса правил. Так, в запретах просматриваются отклонения, требующие повседневного дисциплинирования со стороны учителей: беготня и шум на переменах, сутолока при входе и выходе из школы, опоздания, препирательство с учителем при удалении из класса и т. п. Категорические запреты отмечают нарушения, более волнующие администрацию школы, — порча школьного имущества (вспомним вечный недостаток оборудования в советских школах), появление в школе вещей, не относящихся к учебе, чреватое нелегитимной социальной активностью детей (оружие, торговля и обмен, азартные игры?). Угрозы обрисовывают отдельные схемы развития и эскалации дисциплинарных конфликтов.

Идеальный тип повседневного порядка в советской школе, реконструированный по текстам правил поведения и единых требований, может послужить как дополнительной точкой отсчета при анализе советской школьной повседневности, так и сравнительным материалом в более широких кросс-культурных или исторических компаративных исследованиях образования.

Ключевые слова: история образования, советская история, общеобразовательная школа, правила поведения, «Правила для учащихся», школьная дисциплина.

RULES OF CONDUCT IN THE SOVIET SCHOOL.

PART 2: THE MESSAGE OF THE STATE DELIVERED BY A TEACHER

K. MASLINSKY

Soviet school rules are treated in this article as a part of the pre-revolutionary school tradition and simultaneously as a representation of the image of Soviet schoolchild. In this second part of the article the content of a corpus of 21 rules printed in the USSR (1937–1941) on behalf of particular schools is discussed. Rules of conduct cannot be used as a direct evidence for the disciplinary practice. But within corpus of similar rules variability in content and wording allows to observe patterns of choice made by rule compilers which let us reconstruct their logic of disciplinary thinking. Choice made by rule compilers on a several distinct levels is analyzed. At the level of choice of domain for rule application (a set of everyday situations where school rules apply) less expansion onto the child's out-of-school activities was found than may be expected of Soviet school. Choice at the level of details emphasized in the rules — interpreted as a more or less attention paid to the form of social conduct — was found to be an instrument providing Soviet school disciplinary practice with some flexibility. Finally, analysis of choice at the level of rule wording reveals repercussions of everyday conflicts preserved in the form of prohibitions and threats.

Keywords: history of education, Soviet history, secondary school, rules of conduct, «Rules for pupils», school discipline.

Список литературы

1. *Boostrom R.* The nature and functions of classroom rules // Curriculum inquiry. 1991. Vol. 21. № 2. P. 193–216.
2. *Eggermont B.* The choreography of schooling as site of struggle: Belgian primary schools, 1880–1940 // History of Education. 2001. Vol. 30. № 2. P. 129–140.
3. *Kirschenbaum L. A.* Small comrades: Revolutionizing childhood in Soviet Russia, 1917–1932. N.-Y.; L., 2001.
4. *Livschiz A.* Growing up Soviet: Childhood in the Soviet Union, 1918–1958. Stanford University, 2007.
5. *Muckle J.* The new Soviet child: Moral education in Soviet schools // The making of the soviet citizen. Croom helm, 1987. P. 1–22.
6. *Riordan J.* The role of youth organizations in communist upbringing in Soviet school // The making of the soviet citizen. Croom helm, 1987. P. 136–160.
7. *Thornberg R.* A categorisation of school rules // Educational Studies. 2008. Vol. 34. № 1. P. 25–33.
8. *Thornberg R.* The moral construction of the good pupil embedded in school rules // Education, citizenship and social justice. 2009. Vol. 4, no. 3. P. 245–261.
9. *Zajda J.* The moral curriculum in the Soviet school // Comparative Education. 1988. Vol. 24, no. 3. P. 389–404.
10. *Белькович О. В.* [и др.] Спутник школьника. М.; Смоленск, 1933.
11. *Болдырев Н.* Директор — организатор воспитательной работы // Народное образование. 1955. № 1. С. 42–44.

12. *Ганзен А. А.* О единых педагогических требованиях в школе // Воспитательная работа в школьном коллективе / Л. И. Новиков, ред. М., 1958. С. 95–96.
13. Единые педагогические требования к учащимся средней школы № 105, принятые педагогическим советом 07.01.84 г. Б. м., 1984.
14. Единые педагогические требования к учащимся школ города Хмельницкого. Хмельницкий, 1957. Областная типография.
15. Единые педагогические требования к учащимся. Сборник документов. Вып. 1 / В. Е. Лебедева, В. М. Коротов, сост. М., 1967.
16. Единые педагогические требования к учащимся. Сборник документов. Вып. 3 / И. С. Долинская, сост.; В. М. Коротов, ред. М., 1972.
17. Единые требования к учащимся Новопашийской средней школы. 1961.
18. Единые требования к учащимся Селятинской средней школы № 2. Б. м., 1978.
19. Единые требования к учащимся средней политехнической школы № 7 Свердловской ж. д. Свердловск, 1962. Типография изд-ва «Уральский рабочий».
20. Единые требования к учащимся Теплогорской средней школы. Б. м., 1961.
21. Единые требования к учащимся. Б. м., 1956.
22. Единые требования к учащимся. Вологда, 1960.
23. Единые требования коллектива 140 школы г. Москвы. М., 1968. Типография изд. «Связь» Комитета по печати при Совете министров СССР.
24. Единые требования школы и семьи к учащимся рижской средней школы № 20. 1965.
25. Единые требования школы к учащимся. Симферополь, 1954. Типография Крымиздата.
26. Единые требования. Бауск. Б. г. Бауская тип.
27. *Келли К.* Школьный вальс: Повседневная жизнь постсталинской советской школы // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104–155.
28. *Коротков В. М.* Педагогическое требование. М., 1966.
29. Обсуждение статьи Катрионы Келли «Школьный вальс» // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 7–107.
30. Организация и воспитание [школьного] ученического коллектива / И. Л. Болдырев, ред. М., 1959. С. 58–59.
31. Памятка учащимся школы им. Камо. Ереван, 1960. 6-я типография Армпполиграфиздата.
32. Правила культурного поведения школьников // Воспитание сознательной дисциплины и культуры поведения школьников / И. С. Марьенко, ред. М., 1982. С. 128–156.
33. Правила поведения для учащихся: (70-я средняя школа г. Воронежа). Воронеж, 1972. Типогр. изд-ва «Коммуна».
34. Правила поведения учащихся на 1940/1941 уч. год. Свердловск, 1940. Типолаборатория КИЖ.
35. Правила поведения учащихся Хасав-юртовской средней школы № 1 им. Максима Горького. Б. г. Гостипография № 4.